

Вэй Цзиньшу кивнула:

— Да, это были двое мужчин.

Юнь Чу еще не успела до конца прийти в себя от шокирующего признания Вэй Цзиньшу в том, что ей нравятся женщины, а тут — новый удар.

— Твои... пристрастия, признаться, выходят за рамки привычного.

— Я просто считаю, что любовь в этом мире не должна судиться по тому, мужчина ты или женщина.

Юнь Чу всегда казалось, что для смертной она повидала достаточно и уж точно мыслит шире, чем обычные люди. Но, выслушав слова Вэй Цзиньшу, она поняла, что ее собственный кругозор все-таки узковат. Послушать только, как рассуждает эта девушка — вот кто действительно познал жизнь.

Разговор принял интересный оборот, и Юнь Чу спросила:

— Если любовь между мужчинами называют страстью сломанного рукава, то как называют любовь между женщинами?

Вэй Цзиньшу не ожидала такого вопроса, но ответила честно:

— Союз золотой орхидеи.

— А ты уже нашла свою золотую орхидею? — с любопытством поинтересовалась Юнь Чу.

Вэй Цзиньшу замерла с книгой в руках. Ее взгляд проскользнул сквозь резные окна, устремившись в квадрат неба над дворцовыми воротами. Затем она медленно перевела глаза на лицо Юнь Чу.

— Возможно, судьба сама приведет ее ко мне.

Юнь Чу подперла подбородок рукой, размышляя. И то верно: браки совершаются на небесах, а нити судеб всех смертных хранятся во дворце Юэ Лао. Если когда-нибудь удастся вернуться на небо, она обязательно спросит у старика Юэ Лао, кто же на другом конце красной нити Вэй Цзиньшу — мужчина или женщина.

Вэй Цзиньшу снова подняла на нее глаза:

— Я ведь до сих пор не знаю твоего имени.

— Юнь Чу.

— Вода затихает, облака опускаются низко... Красивое имя.

Полуденное солнце согрело, свет лился мягко. На губах Вэй Цзиньшу заиграла улыбка, и

лучи солнца, падая на ее лицо, придали ее и без того утонченной красоте особое очарование. Юнь Чу на мгновение засмотрелась, про себя отметив, как она прекрасна, а затем снова затараторила:

— Все-таки я считаю, что нужно верить в судьбу. Небесному пути нельзя противиться.

Вэй Цзиньшу, не меняясь в лице, лишь отложила книгу и указала пальцем на несколько иероглифов на странице:

— Человек способен превзойти небо.

Юнь Чу беззвучно усмехнулась про себя. Самое интересное в смертных — это их острые углы, которые жизнь еще не успела сточить. Но попытки изменить судьбу — это лишь пустые слова. Жизнь смертного, длящаяся каких-то несколько десятилетий, перед лицом вечного неба — не более чем миг жизни поденки.

Раз уж Вэй Цзиньшу не хочет бороться, а наложницы в гареме не желают интриговать, придется ей, Юнь Чу, самой взяться за дело и взбаламутить эту тихую заводь.

Прошло несколько дней. Сяо Чэнъинь даже не вспоминал о наложнице Вэй и не призывал ее к себе. Обитательницы гарема давно привыкли к подобному: император был известен своим пристрастием к государственным делам и полным равнодушием к женской красоте. За четыре года правления у него не появилось ни одного наследника.

Дни Юнь Чу проходили в сытости и покое — она ела по пять раз в день. Но вскоре это спокойствие было нарушено. Заболела Шу-фэй. Причем не притворялась, а заболела по-настоящему, так, что даже придворные лекари разводили руками. По дворцу поползли слухи, будто это не болезнь, а порча или проклятие.

Юнь Чу открыла Книгу Судеб. Следующий эпизод гласил, что Вэй Цзиньшу, затаив обиду, отравит Шу-фэй и подставит других. Юнь Чу проводила с ней все дни напролет, они даже спали на одной кушетке, поэтому она ни на миг не верила, что Вэй Цзиньшу способна на такое. К тому же у той совсем не было желания бороться за милость императора, иначе она бы уже давно караулила его на каждом шагу.

Юнь Чу закрыла книгу и увидела, как вошла Вэй Цзиньшу, неся в руках несколько новых томиков. Юнь Чу привычно подошла к ней, заглянула в страницы и одобрительно заметила:

— Наконец-то ты читаешь что-то новое, а то Битву при Пинфане ты уже почти наизусть выучила.

— Это новая книга, которая сейчас тайно ходит в народе, — Вэй Цзиньшу открыла первую страницу и указала Юнь Чу на имена двух героев. — Это продолжение Битвы при Пинфане. Здесь рассказывается, как они вдвоем умирят Поднебесную, избавляются от коварных чиновников и вместе создают эпоху процветания.

Юнь Чу поперхнулась. Ну конечно, пристрастия книжного червя так просто не меняются. Видя, что Вэй Цзиньшу увлечена чтением, Юнь Чу осторожно спросила:

— Что ты думаешь насчет болезни Шу-фэй?

Вэй Цзиньшу на мгновение задумалась:

— Похоже не на колдовство, а скорее на отравление.

Юнь Чу хотела расспросить подробнее, но Вэй Цзиньшу вдруг посмотрела на нее и окинула внимательным взглядом:

— Юнь Чу, ты в последнее время... заметно округлилась.

Юнь Чу, которая как раз собиралась отправить в рот кусочек пирожного с османтусом, застыла с лакомством в руке.

— Я? — она неуверенно указала на себя.

Еда в мире смертных была такой вкусной, что последние полмесяца Юнь Чу ела по пять-шесть раз в день. Пожалуй, она и правда... немного прибавила.

— Сегодня погода отличная, давай прогуляемся, растрясешь еду.

— А? Но я здесь никто, без имени и статуса, — Юнь Чу отложила пирожное и посмотрела на выход. — Нехорошо будет.

— Ты ведь умеешь становиться невидимой?

— ...И то верно.

Договорившись, они не стали брать с собой служанок и евнухов и вышли из покоев. В отличие от небесных дворцов с их облаками и однотонными красками, земной дворец поражал золотом и роскошью. Юнь Чу шла и удивлялась, как смертные умеют себя баловать: даже невзрачные карнизы были украшены с невероятным изяществом, не говоря уже о покоях знатных особ.

Вэй Цзиньшу привела ее в уединенную бамбуковую рощу. Кроме беседки и густых зарослей бамбука, здесь ничего не было. Вэй Цзиньшу вошла в беседку и села:

— Это юго-восточный угол дворца. Место глухое, сюда редко кто заходит, можешь больше не прятаться.

Юнь Чу огляделась — здесь действительно было тихо. А из-за густого бамбука никто не мог увидеть их снаружи, как и они никого не видели. Она сняла заклинание невидимости и села рядом с Вэй Цзиньшу.

— И как ты живешь? День за днем, год за годом... Скука смертная.

Вэй Цзиньшу опустила глаза и улыбнулась:

— С чего ты взяла, что это не то, чего я желаю?

Она вздохнула, глядя на игру света в бамбуковых тенях:

— С того самого момента, как я вошла во дворец, многое стало невозможным. Теперь я просто хочу найти тихий уголок, и этого достаточно.

Юнь Чу привыкла к неизменности небес, где даже облака, проплывающие мимо Дворца Судеб, каждый день были одними и теми же. Она была бы только рада внести хоть какое-то разнообразие в свои будни. К тому же прошло уже больше десяти дней, а прогресс в восстановлении Книги Судеб стоял на месте, что было для нее плохим знаком.

Юнь Чу подалась вперед, подперев голову рукой, и снова принялась увещевать:

— Я все-таки считаю, что Сяо Чэнъинь неплох. Может, передумаешь?

Вэй Цзиньшу, которая до этого сидела с закрытыми глазами, ощущая пальцами пробивающиеся сквозь листву лучи солнца, открыла глаза. Услышав очередные разговоры о борьбе за благосклонность императора, она, словно что-то вспомнив, пристально посмотрела в глаза Юнь Чу.

— Юнь Чу, а мне кажется, ты лучше императора.

— Да что ты меня с ним сравниваешь! Я ведь женщина... — Юнь Чу осеклась, поняв, что попала в ловушку. — Я хотела сказать, что ты могла бы попробовать сблизиться с Сяо Чэнъинем, вдруг он тебе понравится.

Вэй Цзиньшу ничего не ответила, лишь продолжала спокойно смотреть на Юнь Чу. Та уже решила, что сказала какую-то глупость и обидела ее, но вдруг Вэй Цзиньшу улыбнулась, и ее мягкий голос, подобно весеннему ветерку, коснулся слуха Юнь Чу:

— А ты сама не хочешь попробовать со мной?

<http://bllate.org/book/18883/1844211>